

Валентина Сергеевна оказалась именно такой, какой я себе ее и представлял – приветливой, с добрыми, но оценивающими собеседника глазами. Я сказал ей, что голос ее ничуть не изменился. Что это, дар природы?

– Не только. Еще и хорошая школа, которую я прошла в Институте слова, – улыбнулась Валентина Сергеевна.

Оказалось, что она имеет самое непосредственное отношение к журналистике: сама много писала о деятелях культуры и искусства, с которыми довелось работать и дружить.

– Вот один из моих учителей – Василий Иванович Качалов, – указала она на снимок в фотоальбоме. – Когда я в 1929 году пришла в радиокomitee на конкурс дикторов, он возглавлял там приемную комиссию. Выслушав мое выступление, сказал: “Эту девочку надо обязательно принять”. Словно благословил! А было мне тогда двадцать лет и я еще училась в Институте слова.

А вот еще одна фотография из альбома. Валентина Сергеевна продолжала рассказывать:

– Я уже считала себя профессионалом, когда однажды в радиокomitee пришел этот юноша. Мы сразу же подружились. У него был прекрасный, от природы поставленный голос, с одним лишь речевым дефектом – сильно окал. Каким диктором стал потом Юрий Левитан, говорить не нужно. Отрадно, что и теперь его не забывают. Только что слышала по радио, что в Волгограде Левитану сооружают памятник.

Не всем известно, что дикторы в те годы должны были неукоснительно читать только написанное и утвержденное. Никакой отсебятины, ни единого лишнего слова. Таким было строжайшее правило. Но в то же время внимательные слушатели по нашим интонациям могли определить, тяжелые это или радостные вести...

рии и декабрь 1941 года! Тогда дали первый за шесть месяцев войны симфонический концерт. Или вот еще – 22 марта 1942 года в Москве впервые исполнялась 7-я симфония Дмитрия Шостаковича. Во время концерта было три воздушных налета. Бухали зенитки, тревожно завывали сирены, призывая горожан укрыться в бомбоубежище. И я трижды выходила на сцену с просьбой спуститься в убежище. Но знаете, симфония с ее победным финалом прозвучала до самого конца. Никто – ни музыканты, ни слушатели – не покинул зал... Именно в те годы я приобрела многих своих друзей, которые остались со мной на всю жизнь!

Валентина Сергеевна вновь листает странички своего альбома. Там знакомые и мне лица: левизы – Надежда Петровна Обухова, Мария Петровна Макарова, Зара Долуханова. А вот человек и без грима

рал со лба пот, Кнушевицкий откинулся на спинку стула, его руки повисли словно плети, Оборин будто застыл с головой, уроненной на руки. Наверное, и я была не лучше их. Когда погас свет, я как диктор знала, что прервать передачу нельзя. Москву слушает вся страна, и если бы наступила пауза, там, далеко на фронте, могли бы подумать, что в Москве случилась беда. Мои друзья тоже поняли это, оттого и не прервали игру. Сейчас трудно себе представить, какое огромное политическое значение могли придать да и придавали малейшей ошибке, сбою в работе. А надо мною еще всю жизнь как бы нависала тайна, о которой я даже с друзьями старалась не говорить.

Валентина Сергеевна перелистала альбом и показала мне фотографию своих родителей, потом отдельно отца – царского офицера.

– Я молчала о своем дворянском

Валентина СОЛОВЬЕВА:

**ВНИМАНИЕ,
ГОВОРИТ МОСКВА!
ПЕРЕДАЕМ ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ...**

Сколько раз слышал я эти слова, произносимые дикторами Всесоюзного радио до войны и в годы, когда к Москве подступали вражьи орды, и после войны. Журналистская профессия часто сводила меня с людьми, о которых впервые слышал по радио. Но вот самих дикторов знал лишь по голосам. Особенно нравились Юрий Левитан и Валентина Соловьева. Теперь стоял, нажав кнопку домофона, возле дома на Университетском проспекте, где живет Валентина Сергеевна Соловьева, надеясь увидеть ее вочую.

Недавно Валентине Сергеевне исполнился 91 год! С днем рождения ее поздравили коллеги, многочисленные друзья. Мы от души присоединяемся к этим поздравлениям.

похожий на пушкинского Ленского. И дарственная надпись: “Дорогой Вале на память о тех годах, когда мы еще вместе пели, Сергей Лемешев”.

И будто вглядываясь в прошлое, Валентина Сергеевна продолжает вспоминать: “Жизнь сама распорядилась временем – успевала всюду – на радио, потом в Колонный зал, оттуда совсем поздно вечером по затемненной Москве к себе домой на Арбат. Я тогда была еще бойцом группы самозащиты и часто по ночам вместе с другими жителями нашего дома дежурила на крыше, таскала мешки с песком, тушила “зажигалки”.

Зима 1941–1942 годов была необычно холодной. А когда потеплело, прямо на улицах и площадях стали проводить открытые концерты. У меня тогда была как бы концертная униформа – строгий английский костюм и белый цветок в петличке.

Многие считали меня слишком серьезной, может быть, даже чопорной. А я и впрямь была требовательной, свято относилась к работе, в особенности к языку. И все же!

Тут Валентина Сергеевна улыбнулась и стала перебирать фотографии, но так и не найдя нужной, продолжила свой рассказ...

– И все же! Между друзьями я звалась “Валерьяночкой”, так они перефразировали мое имя. И вот почему: многие, даже выдающиеся музыканты и артисты, только выйдя на сцену, держатся уверенно. А вот перед выступлением подчас сильно волнуются. Я всегда старалась и своим видом, и словами вселить в каждого уверенность, приободрить.

Натан Рахлин дирижировал обычно без нот, от напряжения лицо его становилось красным. Поэтому перед выступлением он пудрил. Потом пудра осыпалась, он чихал, отмахивался... Чтобы ее стряхнуть, я приносила с собой маленькую щеточку.

После одного из таких выступлений Яков Флиер заметил: “Какая вы Валечка? Вы наша Валерьяночка”.

Я не удержался и спросил: “А за все 60 лет работы в радиокomitee был случай, запомнившийся особо?”

— Был, конечно, и не один. Я расскажу о зиме 1942 года... В студии играло трио: Оборин, Ойстрах и Кнушевицкий. Программу, к сожалению, сейчас не вспомню. И вот во время передачи неожиданно погас свет. Но трио продолжало играть. Потом чувствую, как в паузе своей партии Кнушевицкий передает мне спичечный коробок. Я начинаю чиркать спички одну за другой. Не загораются! Наконец одна зажглась. Взяла папку с листками уже прочитанного текста и начинаю один за другим поджигать их. Осветить стараюсь главным образом клавиатуру рояля. Когда передача закончилась, и в студии вспыхнул свет, все мы долго молчали. Было всегда холодно, но Ойстрах выти-

происхождении. Ко всему прочему потом стала еще и женой “врага народа”. Мой муж работал в “Известиях”. Арестовали его накануне войны. Он умер вскоре после своей реабилитации в 1957 году. Но в тот вечер мы, конечно, не думали о репрессивных мерах, которые ожидали бы нас в том случае, если бы концерт прервался. Это был наш гражданский, профессиональный долг – довести передачу до конца.

И теперь в ее квартире Валентину Сергеевну окружают друзья. Одна из стен в комнате отдана им. Там то, что по размерам не смогло вписаться в фотоальбом. Это певцы Архипова и Козловский, артисты Малого и МХАТа и, конечно же, ее коллеги по Всесоюзному радио. Но есть здесь то, что совершенно не относится ни к радио, ни к творческой деятельности ее друзей – артистов. Это собаки, вернее, фарфоровые и стеклянные фигурки этих грациозных животных. Их десятки, а может быть, и сотни. Это хобби хозяйки квартиры. Их дарили и продолжают дарить Валентине Сергеевне, а многие она и сама привезла из деловых и туристических поездок. Для них отведено особое место – полки в застекленном шкафу.

В свои 91 год Валентина Сергеевна обходится без посторонней помощи. В квартире чистота, уют. Любезная хозяйка не стала говорить о том, как ей удается содержать дом и вести хозяйство. Наверняка пенсия на все не хватает... Сказала лишь о том, что ей хо-

рошо помогают работники Центра социального обслуживания “Гагаринский” – прикрепили милую женщину, которая постоянно заботится о свежих продуктах, рецептах и лекарствах.

Но я – то читал коллективное письмо работников радиокomitee, которые сами решили напомнить о своей уважаемой коллеге. Адресовано оно мэру Москвы. В нем они спрашивают Юрия Михайловича: разве он сам не вырос под “звуки” голоса Валентины Сергеевны Соловьевой? Разве все мы не в долгу перед такими светочами русской культуры и духовности, как Валентина Сергеевна и ее товарищи по дикторскому цеху?

А дальше в письме вот что сказано: “Хорошую, умную книгу написали вы, Юрий Михайлович, – “Мы дети твои, Москва”. Но не пора ли вспомнить и о том, что у нас – детей Москвы и России – есть духовные родители?”

Послевоксусь! Да, именно – послевоксусь! Оно всегда остается после встречи с очень интересным человеком. Вот и теперь, простившись с Валентиной Сергеевной, я почувствовал, что обогатился ее скромной значимостью, памятью о прошлом, ее мужеством. И духовное это послевоксусь от этого знакомства надолго останется со мной.

Вячеслав КРУГЛИКОВ

На снимках: Валентина Сергеевна Соловьева в день, когда ей исполнился 91 год; концерт в Колонном зале Дома союзов ведет Валентина Соловьева.

Фото автора и из архива Валентины Соловьевой

57